

Гурмузова Эльмира

**Женский сбор Эльвиры Шатаевой 1974 года
и почему на пике Ленина из всех команд на горе
в ураган погибла только женская команда**

(Из воспоминаний девятой участницы)

Санкт-Петербург 2023

Об авторе

Гурмузова Эльмира

- Сотрудник Государственного Санкт-Петербургского Университета.
- Альпинистской подготовкой занималась в университетской альпсекции и на скалах Ястребиного озера.
- Инструктор альпинизма.
- Стала первым альпинистом в городе, побывавшем на семитысячнике, пике Евгении Корженевской.
- Придумала «Эльгу», средство спасения жизни при зависах, и «альпинистскую туманную технику», для безопасного спуска в тумане (смотри Приложения).
- Занималась скалолазанием, была чемпионкой соревнований в связках на приз «Белые ночи».
- Занималась ориентированием, была чемпионкой города.
- Водила горные и таежные походы, прошла одна в Саянах, в Тофаларии, трехсоткилометровый маршрут по ненаселенке, три дня в компании с медведем.
- Закончила два факультета Университета: математико-механический и, затем, через много лет, филологический, английское отделение.
- Как математик, создала «Кинетическую теорию несферических молекул с колебательными степенями свободы», получившую научное признание.
- Как филолог переводчик, при переводе монографии Гринспена «Теория вращающихся жидкостей» для Гидрометеоиздата, ввела в русскую научную литературу три новых научных термина, ставших общепринятыми.
- Последнее техничное восхождение пик Щуровского на Кавказе (от гибели в зависе на Ужбинском ледопаде спасла Эльга, см. Приложения).

Посвящается памяти погибших женщин

В ураган 1974 г. на пике Ленина погибли:

Шатаева Эльвира (Москва), руководительница женского сбора

Бардашева Татьяна (Душанбе)

Васильева Нина (Москва)

Любимцева Ирина (Свердловск)

Манжарова Людмила (Фрунзе)

Мухамедова Ильсияр (Душанбе)

Переходюк Галина (Миасс)

Фатеева Валентина (Москва)

Светлая им память.

Благодарности

Эти Воспоминания о женском сборе Эльвиры Шатаевой 1974 года и подготовке к восхождению на пик Ленина, включая высотную заброску, написаны по просьбе очень известного Питерского альпиниста Сергея Шibaева и во многом обязаны тем материалам о женском восхождении, которые он мне передал.

Это единственная нормальная подборка о женском восхождении из всех, которые я читала у нас, в западных публикациях и видела в американском фильме по поводу десятилетия со дня гибели женщин.

Без переданных мне материалов, без постоянного внимания к моей работе Сергея Шibaева, его различных вопросов и существенных замечаний, мой рассказ был бы совсем другим.

Работа на компьютере после моего ковида состоялась только благодаря помощи моего мужа Владимира Кузнецова.

При написании очень тяжелых для меня воспоминаний, мне оказывал постоянную моральную поддержку мой сын, Николай Кузнецов, несмотря на собственную напряженную жизнь в связи с избранием в членкоры Академии Наук.

Без участия и помощи Сергея Шibaева, Владимира Кузнецова и Николая Кузнецова эти «Воспоминания» могли бы не состояться. Приношу им свою искреннюю благодарность.

Приношу особую благодарность Сергею Шibaеву за память о нашей женской команде.

Оглавление

1. Горы и судьбы
2. Почему в ураган 1974 года из всех команд на пике Ленина погибли только женщины.
3. О книге Шатаева «Категория трудности», написанной литературным записчиком (сокращенно литзаписчиком).
4. Женский сбор Эльвиры Шатаевой 1974 года
5. Заключение.
6. Приложения.

1. Горы и судьбы

Краткая история женских восхождений двадцатого века

Женская команда Эльвиры Шатаевой на траверс пика Ленина

Восхождение женской команды Эльвиры Шатаевой на пик Ленина в 1974 г. было мероприятием Всесоюзной Федерации Альпинизма. Эльвира тоже была сотрудницей этой Федерации. Кураторами этого восхождения были Абалаков и Шатаев, муж Эльвиры. Абалаков был куратором по маршруту, а Шатаев куратором по снаряжению.

Первоначально, в Москве, планировалось простое восхождение на пик Ленина со спуском по пути подъема, через скалы Липкина.

Но когда мы приехали на сбор, Абалаков неожиданно предписал нам траверс пика Ленина, несмотря на активное возражение всей команды. Эльвире и нам пришлось подчиниться.

В планах команды произошло еще одно изменение. На высотной заброске мы лишились одной из трех, предписанных нам куратором по снаряжению, хлопчатобумажных трехместных палаток памирок. Одна палатка оказалась бракованной, протекала по коньку, запасная палатка куратором не была предусмотрена, из-за этого пришлось менять план восхождения на худший вариант. На высотный траверс вышли восемь человек с двумя малогабаритными трехместными перкалевыми палатками памирками.

На гребне заболели две участницы. На вершину поднялась только часть команды. Из-за больных нужно было спускаться по пути подъема.

После восхождения при спуске на гребень команда попала в ураган. Еще одна палатка оказалась бракованной. Женщины остались без палатки, вещей и подстраховки и замерзли.

Все остальные команды на горе были с высотными палатками из синтетики, и этот ураган выдержали без потерь. Погибла только женская команда. Светлая им память.

Восхождение на Кавказе на Дых-Тау

Два самых известных женских восхождения, в прошлом двадцатом веке, были совершены, одно до войны, у нас на Кавказе, и польское, после войны, в Альпах.

Первой женской командой в нашей стране была команда, успешно совершившая очень сложное восхождение на Дых-Тау, на Кавказе в Безенги, до отечественной войны.

Вероятно, наша первая женская команда была также и первой женской командой в мире.

Руководила этой женской командой сотрудница нашего Ленинградского университета.

С этого маршрута сходили, не дойдя до вершины, многие наши и иностранные мужские команды.

До войны в Безенги был лагерь иностранцев с нашими инструкторами, такой же, как лагерь «Памир» в наше время. Я слышала воспоминание одного инструктора из этого лагеря про маршрут на Дых-Тау. Маршрут был очень сложным.

Руководительница женской команды рассказывала мне, что на одном из участков маршрута ей самой пришлось вырубить больше ста ступеней.

Меня познакомил с руководительницей Леня Трощенко, когда узнал, что Эльвира Шатаева пригласила меня на свой женский сбор.

Польское восхождение в Альпах

Еще одна знаменитая женская команда была во второй половине двадцатого века, после войны. Она состояла из трех польских альпинисток.

Польки прошли в Альпах очень известный сложнейший маршрут, считавшийся до них вообще не проходимым. Помимо большой технической сложности, с этого маршрута было невозможно вернуться. Спуск только через вершину, потому что один сложнейший траверс, в принципе, был не проходим в обратном направлении.

Наверно, я читала об этом восхождении в западной прессе, но уверена, что-нибудь было и у нас.

Первое высотное восхождение

Первым женским высотным восхождением у нас было восхождение четырех женщин под руководством Рожальской (Рожальская, Сон, Мухамедова, Шатаева) в 1972 году на семитысячник пик Евгении Корженевской.

История моего участия в женском сборе Эльвиры Шатаевой

Годы занятий альпинизмом

В 1968 году начала заниматься альпинизмом из-за красавицы Ужбы на Кавказе.

Альпинистской подготовкой занималась в альпинистской секции Университета.

Наши тренировки в университетской альпсекции проходили четыре дня в неделю. Два дня за городом: летом на скалах Ястребиного озера, зимой в Кавголово на беговых и слаломных лыжах, и два дня в городе: один день чисто альпинистская тренировка и один день беговая, на Елагин остров и обратно в университет.

Участвовала в соревнованиях по скалолазанию.

За время занятий альпинизмом получила на сборах первый спортивный разряд.

В 1973 году была на семитысячнике пике Евгении Корженевской. Стала первым Ленинградским альпинистом, побывавшим на семитысячнике.

В 1973 году закончила школу инструкторов.

В 1974 году участие в женском сборе Эльвиры Шатаевой на пик Ленина. Подготовка к восхождению. Участие в спасении Челябинского альпиниста.

В 1975 году пик Щуровского.

В 1976 году работала инструктором в Варзобе.

С 1977 года альпинизмом больше не занималась из-за тяжелой болезни мамы.

Мои профессии в Университете

По основной многолетней профессии я математик (закончила и работаю в Ленинградском государственном университете). По первой профессии я научный сотрудник, преподаватель и куратор аспирантов и соискателей ученой степени. В семье была единственным математиком. Отец (до получения паспорта с ассирийским именем Арам Саргес Урмузов) был востоковедом, знал девять восточных языков. Сестры с двумя высшими филологическими образованиями каждая знали по десять европейских языков. Сравнительно недавно я тоже закончила в университете филологический факультет, английское отделение и

стала, в том числе, переводчиком с английского и на английский, и сейчас это моя основная профессия.

Мой высотный опыт до Эльвиринового сбора

До женского сбора я уже была на семитысячнике, на пике Евгении Корженевской в 1973 году. После Корженевы наша команда (руководил москвич Андрей Мигулин) должна была через два дня уйти на пик Коммунизма. У нас был идеальный вариант. Нам не нужна была дополнительная акклиматизация и высотная заброска. Мы собирались сразу идти на восхождение. Выход сорвался из-за спасаловки на пике Коммунизма. Московские туристы пристроились к группе альпинистов и почти дошли до вершины, оставив приболевшего парня одного в палатке. Когда начспас Новосибирского сбора увидел в подзорную трубу парня, ползущего из палатки вниз по склону, он все группы на горе и внизу отправил на спасение туриста. Парня удалось спасти, но все восхождения были сорваны.

Пик Евгении Корженевской остался моим единственным семитысячником.

Пик Евгении Корженевской

Пик Евгении Корженевской назван так, Русским Географическим Обществом, за заслуги и по просьбе известного исследователя этого района, мужа Евгении Корженевской. В годы советских переименований вершин это название сохранилось, потому что Евгения Корженевская была жива, жила в Средней Азии, работала библиотекарем.

Альпинизм и горные галки

На пик Евгении Корженевской ходят команды альпинистов, но там живут ещё и сообразительные горные галки, которые иногда умеют поживиться за счет альпинистов. Галки иногда разворовывают заброски, и этим срывают альпинистские восхождения.

С горными галками в один год были связаны два восхождения на пик Евгении Корженевской и восхождение в другом альпинистском районе.

У наших знакомых, которые ушли на Корженеву перед нами, галки выклевали мелкие камешки у основания каменного укрытия. Камни, укрывавшие заброску, развалились, и галки, чтобы разбить банки консервов, все продукты сбросили вниз. Одну расклеванную банку было видно, она застряла на сбросе в камнях. Наверху остался только бензин.

Второй случай произошел в тот же год в другом районе. На вершину со сдвигом по времени шли две команды. Первая команда сделала заброску и спустилась вниз, а вторая команда, которой руководил мой приятель по скалам, Арик Муранов, прошла на вершину в стороне от чужой заброски и её не видела. Но когда команда Муранова вернулись в Ленинград, ребят обвинили в том, что они раскидали и обобрали чужую заброску, потому что, кроме этих двух команд на горе никого не было. Только после моего рассказа о галках на Корженеве, всем стало ясно, что и с этой заброской тоже разобрались галки.

Горные галки и наше восхождение на пик Евгении Корженевской

Альпинистам известно, что в горах иногда случается самое невероятное. Такое случилось у нас при восхождении на пик Евгении Корженевской.

Наши хорошие знакомые, которые из-за галок не сходили на эту вершину, разрешили нам, если понадобится, воспользоваться их бензином, который галки не тронули. Мы шли с достаточным запасом своего бензина, и хорошо замуровали свою заброску. Развалить нашу заброску галкам не удалось.

Но если наши знакомые из-за галок остались с бензином, но без продуктов, то мы из-за своей невнимательности остались с продуктами, но без бензина.

Наши полиэтиленовые банки с бензином были залиты не под горлышко, на высоте воздух в банках расширился, банки лопнули и почти весь бензин вытек. Если бы не бензин, оставленный галками, восхождение на этом бы закончилось.

Иногда такой, почти неправдоподобной, бывает альпинистская жизнь.

Мое участие в университетской команде восхождения на пик Ленина

После Корженевы в московской компании я через год, в 1974 году, была запланированной участницей ленинградской университетской команды восхождения на пик Ленина, которой руководил мой тренер по скалолазанию и альпинизму Олег Шумилов. В 1974 году в середине августа мы должны были совершить восхождение на пик Ленина. На каждого из нас уже были оформлены пропуска на въезд в этот район. Тогда он был закрытым. Все университетские альпинисты были друзьями и, узнав об Эльвирином приглашении, Олег сразу согласился на мое участие в женском сборе. Но зная, что в горах бывает всякое, мы договорились, что если я по какой-нибудь причине не схожу на

вершину в женской команде, то дождусь приезда нашей университетской команды и схожу на вершину со своими, как планировалось. Это был мой запасной вариант на случай непредвиденных событий на женском сборе. Такое непредвиденное событие произошло у нас на высотной заброске: одна палатка оказалась бракованной, запасной палатки не было.

У нас на девять человек осталось только две трехместные памирки. За день до восхождения по решению последнего собрания я, как приглашенная запасной, оставалась внизу ждать женщин, а потом свою университетскую команду.

О Матюшиной, вместо которой я попала на сбор

Эльвира пригласила меня на сбор в последний момент, запасной, вместо Матюшиной, когда выяснилось, что Матюшина приехать не может, потому что ей утвердили ее собственный сбор, которым она руководила.

О Матюшиной и ее сборе мне сказала Эльвира. Но потом я встретила с ней в альплагере Варзоб под Душанбе. Она была командиром отряда новичков, а я инструктором отделения в ее отряде.

Однажды Матюшина сказала мне, что осталась руководить сбором, потому что «не могла оставить и подвести своих ребят».

Это все, что я об этом знаю.

Стихи и альпинизм в альплагере Варзоб

В лагере Матюшина была очень уважаемым человеком. Помимо всего, она была и лагерным поэтом. Еще она быстро принимала решения, и с ней было легко договариваться. Однажды я позвала ее зайти ко мне, чтобы она посмотрела какие-то бумаги про моих новичков и подписала нам выход на завтра со всем отрядом.

Увидев кипу бумаг, она сказала, что уже не сможет ничего сделать, потому что ей нужно сегодня, до ухода отряда, сочинить стихотворное приглашение на юбилейный банкет в Варзобе. Тогда я попросила ее поменяться со мной: она готовит бумаги на наш выход, а я за это время сочиняю стихотворное приглашение на банкет. Она сразу согласилась. Закончили мы одновременно. Она прочитала мой опус и сказала, что нужно добавить про горы.

В Варзобе были Якум – единичка и Ягноб – пятерочная стенка.

Я тут же приписала две строчки:

*Здесь от Якума до Ягноба
Отметим славный путь Варзоба.*

И утром мои новички вышли со всем отрядом. Такая неожиданная встреча и такое нестандартное общение с Матюшиной, вместо которой Эльвира позвала меня на сбор. Не зря говорят: «Пути Господни неисповедимы».

Быть «равной»

Я была благодарна Эльвире за её приглашение на женский альпинистский сбор и рада, что проведу лето в чисто женской компании, «равной среди равных», и не буду восхождение за восхождением единственной женщиной среди мужчин.

Я была включена в женскую команду на восхождение на высотной заброске на пике Ленина. Числилась членом команды на восхождение до последнего дня перед восхождением, пока была надежда найти третью палатку вместо палатки, оказавшейся бракованной на высотной заброске. Третью палатку найти не удалось. На девять человек у команды осталось только две трехместные палатки памирки. С двумя трехместными палатками на восхождение могли пойти максимум восемь человек, я была девятой. Как приглашенная на сбор запасной, я осталась внизу ждать возвращения женщин (см. Раздел 4).

2. По какой причине погибла женская команда на пике Ленина в ураган 1974 года при спуске с вершины

Главная причина — это отсутствие высотных палаток

Главная причина гибели женщин при спуске с вершины в ураган 1974 года в том, что у женщин не было прочных высотных палаток (из синтетической ткани). Все, у кого высотные палатки были, выжили.

Все остальные команды (Челябинцы, Новосибирцы, Москвичи и Японцы), без предупреждения попавшие в этот же ураган на горе, в высотных палатках пережили этот ураган без потерь. Есть описание японцев ураганной ночи в их высотной палатке.

Все команды, имея палатки из синтетики, остались живы.

Все произошедшее сводилось к хлопчатобумажным перкалевым палаткам памиркам. В ураган погибли, замерзли, только женщины без высотных палаток.

Главная причина гибели женщин отсутствие высотных палаток

Куратор по снаряжению запланировал для женщин для облегчения веса вместо высотных палаток три перкалевые трехместные палатки памирки.

Три сопутствующие причины

Кроме главной причины гибели женщин были еще три сопутствующие причины.

Отсутствие подстраховки (1)

По непонятной причине группа подстраховки Гаврилова – Клецко ушла вниз, осознанно оставив женщин без подстраховки.

Не переданная метеосводка об урагане (2)

Главный куратор не передал женщинам метеосводку с ураганным предупреждением, лежавшую в радиорубке на ежедневных разворотах листов радиожурнала со 2-го августа. Это могло бы спасти женщин с их перкалевыми палатками. Об этом ураганном предупреждении не знали и все остальные ко-

манды на горе, не имевшие радиосвязи с Памиром. Но этот неожиданный для них ураган их высотные палатки из синтетики выдержали.

Бракованное снаряжение и отсутствие запасных палаток (3)

У женщин были палатки памирки, две из которых оказались бракованными, первая на Высотной заброске. Куратором по снаряжению не были запланированы запасные палатки. Из-за этого женщинам пришлось идти на восхождение в восьмером с двумя малогабаритными трехместными памирками, одна из которых потом тоже оказалась бракованной.

Кто знал о причинах гибели женщин

Хочу особо подчеркнуть, что все, о чем я здесь пишу, по отдельным фрагментам знали:

- Абалаков
- Шатаев
- Корепанов
- Клецко и команда Гаврилова
- Рацек
- Радист международного лагеря
- Уполномоченный по району
- Муж Гали Переходюк и Челябинцы
- Новосибирцы
- Москвичи
- Японцы

Вскоре, благодаря многим из них, истинные причины гибели женщин стали известны московским и другим альпинистам.

За исключением Жоры Корепанова, я никому никогда ничего не говорила о нашем женском сборе и пишу о нем по просьбе Сергея Шibaева тоже впервые.

Потерять друзей в горах это всегда очень тяжело, особенно если это женщины и твои подруги. Вернувшись в город, я больше месяца, каждую ночь вскакивала с постели и бежала спасать девчат, пока не просыпалась, наткнувшись на книжный шкаф. Все альпинисты знают, что гибель друзей в горах это очень тяжелые воспоминания и не тема для праздных разговоров и обсуждений. Поэтому рассказываю об этом впервые.

Расскажу более подробно о сопутствующих причинах

Отсутствие подстраховки со стороны скал Липкина (1)

Одно событие было связано с группой подстраховки женщин до вершины, группой Гаврилова-Клецко. Группа Гаврилова (фактически Клецко, с японской рацией) и группа Корепанова (со стороны Раздельной) были по плану Абалакова двумя группами подстраховки женщин до вершины и после вершины.

Японские рации были у женщин, Клецко и Корепанова. У всех наших групп на горе были отечественные рации, которые не могли связываться с женщинами, и поэтому наши команды ничего о женщинах не знали. Единственными, кто мог помочь женщинам, и по плану должен был это сделать, была группа подстраховки Гаврилова–Клецко. По непонятной причине группа Гаврилова-Клецко, обогнав женщин и сходяв на вершину, уходила вниз, оставляя женщин без подстраховки. Клецко с группой уходил вниз после переговоров и с разрешения главного куратора.

Причина, по которой группе Гаврилова-Клецко было разрешено уйти вниз и оставить женщин без подстраховки, мне неизвестна.

Отказ Клецко поменяться рациями, чтобы Челябинцы могли подстраховывать женщин

На горе была команда Челябинцев, которой руководил муж Гали Переходюк. В городе у них остался ребенок. Когда через их лагерь Клецко уходил вниз, Галин муж, зная, что Клецко оставляет женщин без подстраховки, попросил Клецко поменяться с ним на время рациями, чтобы в случае необходимости иметь возможность помочь женщинам. Клецко поменяться рациями отказался, сказав, дословно: «Рация японская и на мне записана», и осознанно оставил женщин без подстраховки.

Как я узнала о не переданной на гору радиограмме (2)

Как позже выяснилось, ураганное сообщение, которое лежало в радиорубке со 2-го августа, женщинам и остальным на горе не было передано. Я этого не знала, потому что Абалаков, после того как мы вместе приходили на вечернюю радиопередачу, уходил от радиорубки так, чтобы мы его переговоров не слышали, и, возвратившись к нам, говорил, что у женщин все в порядке. Я узнала о не переданной радиограмме от Корепанова Жоры случайно, сказав ему поздней осенью, я это запомнила: «Я не понимаю, почему вы все упорно шли

на вершину, хотя уже со второго августа в лагере лежало ураганное предупреждение». Жора, почти не поверив мне, сказал, что ни о каком ураганном предупреждении им никто не говорил. Сам Корепанов только благодаря большому альпинистскому опыту и интуиции, ничего не зная о надвигающемся урагане, смог в тумане увести всех иностранцев вниз. Спустить всех в тумане ему удалось благодаря придуманной им далекой голосовой связи с одним из его инструкторов. Погибла только одна иностранка, которая отказалась спускаться.

Кто знал об ураганной радиogramме

О метеосводке с ураганным предупреждением кроме Абалакова знали Рацек, радист лагеря, я и уполномоченный по району, профессор одного из московских вузов, который в это время был на другой стороне массива пика Ленина, разбирался там с эстонцами. От него об ураганном предупреждении, уже после трагедии на горе, узнали московские и другие альпинисты.

Несколько слов об урагане на пике Ленина

Метеосводка сообщала об очень продолжительном, большом и необычном урагане. Это была вращающаяся с огромной скоростью труба большого диаметра, которая двигалась по материку и, сметая все на своем пути, оставляла за собой огромные широкие просеки в лесных массивах. За этим ураганом следили со спутника и несколько раз его в разное время показывали по телевидению. Один раз, спустя какое-то время, я видела этот ураган в телевизионной передаче. Похоже, что он развалился на массиве пика Ленина.

Перед большими ураганами часто бывает, так называемое, «окно» хорошей, иногда даже солнечной погоды. Я знаю это из-за своей профессии и моего перевода монографии Гринспена «Теория вращающейся жидкости» для Гидрометеоиздата.

Абалаков однажды из-за ураганной метеосводки хотел женщин спускать. Но в окно хорошей погоды накануне абсолютно точно предсказанного урагана этого не сделал. Причины я не знаю.

Переговоры Абалакова по радиции и две альпинистские японские команды

Переговоры Абалакова по радиции слышали все, у кого были японские радиции: женщины, Клецко, Корепанов и две японские команды. Одна японская команда на горе и вторая, не предполагавшая собственного восхождения, внизу.

Один из японцев в нижнем лагере хорошо говорил по-русски и слышал все переговоры Абалакова с женщинами. Кажется, он был сотрудником японского посольства в Москве.

Однажды японские ребята позвали меня на чай, когда я проходила мимо. С Японией я была связана по науке. Я получила результаты по теме, которой много лет занимались японские ученые, но, получив все, что смогли, они ее оставили. Мои результаты оказались значимыми, меня приглашали с лекциями, и я получила подряд два приглашения из Японии, которые заканчивались словами: “Седьмого июля в полдень на Токийском аэродроме Вас будет ждать персональный лимузин”. И за чаем в палатке, очень высоко и далеко от Японии, я рассказала эту историю японским альпинистам, в Памирском массиве пика Ленина.

Невозможно, в который раз, не удивляться тому, как «тесен мир».

О том, что женщины остались на гребне без подстраховки, без палатки и вещей и без помощи замерзнут, японцы в верхнем лагере узнали прямо во время урагана, из переговоров Абалакова с женщинами, от своего русскоговорящего парня в нижнем лагере.

Сами японцы шли по маршруту с выходом на гребень по ледовой стенке. Они стояли под ледовой стенкой и планировали подъем по ледовой стенке с предварительной её обработкой. Узнав об ураганном несчастье у женщин, японские ребята по собственной инициативе, после бессонной ураганной ночи, забыв о всякой предварительной обработке, рано утром вышли на гребень на помощь замерзающим женщинам. Но из-за тумана и очень плохой видимости на гребне, найти женщин им не удалось, рация женщин молчала, и ребята спустились в свой лагерь под ледовой стенкой.

Второй раз японцы выходили на гребень к женщинам по просьбе Абалакова в хорошую погоду. Они пишут, что их поразили архаичные женские палатки.

Японцы были единственными, кто по собственной инициативе, мгновенно после урагана вышел на помощь оставшимся без подстраховки и без палатки и вещей замерзавшим женщинам.

Ребята в этой японской команде были настоящими мужчинами, и их выход на гребень на помощь замерзавшим женщинам вызывает огромное уважение.

Бракованные палатки (3)

К сожалению, оказалось ещё, что две наши палатки имеют дефекты, они были бракованными.

О бракованных памирках, в основном, знали завхозы альплагерей. Но это не было проблемой для альпинистов, бракованные памирки им сразу же меняли

Списанные палатки завхозы умели продавать желающим. Поэтому мы все, и туристы, и альпинисты, имели личные памирки. Брак памирок все списывали просто на старость палаток. Альпинисты о возможных проблемах с памирками, если сами с ними не сталкивались, ничего не знали.

На сложные восхождения все обычно ходили с высотными палатками и поэтому о памирках мало что знали. Скорее всего, считали, что у новых памирок никаких проблем нет.

Я думаю, что об этих проблемах, о возможном браке абсолютно новых памирок, ничего не знал и Шатаев. Иначе памирки женщин, возможно, были бы проверены, и внизу были бы запасные палатки.

Дефекты памирок

К сожалению, у перкалевых палаток памирок из-за химической пропитки полотнищ крыши бывает два типа дефектов. О них обычно знают много ходившие туристы, особенно те, кто ходил в горах.

Первый из двух возможных браков памирок, протекание палатки по коньку

Один возможный дефект памирок такой: иногда эти палатки протекают по коньку. Это случилось у нас ночью, в дождь, на высотной заброске. Одна палатка из трех оказалась бракованной, и у нас на девять человек осталось две трехместные палатки. Запасной палатки, как потом выяснилось, не было.

Мы попытались скрыть этот прокол со снаряжением, за которое отвечал муж Эльвиры, на последнем Четвертом собрании. Шатаев в своей книге о женском сборе назвал это собрание собранием о несовместимости.

Несовместимость это новичковая история.

Несовместимость —это новичковая история.

Поэтому опытные альпинисты, прочитав в книге Шатаева «Категория трудности» про последнее собрание за полдня до восхождения, сразу поняли, что на сборе произошло что-то очень необычное, возможно, какая-то большая

неприятность. Этой неприятностью была бракованная палатка, протекавшая по коньку, первая из трех, и отсутствие запасной палатки. На восхождение теперь могли пойти только восемь человек. Поскольку первоначально я была приглашена запасной, дожидаться девчат внизу должна была я (девятая участница). Целью этого собрания было по возможности скрыть вину Шатаева, куратора по снаряжению, за плохое снаряжение.

Второй из двух возможных браков памирок, рвущаяся на узкие ленты крыша палатки

Второй дефект памирок связан с рвущейся на ветру на ленты крышей палатки.

Я столкнулась с этим дефектом, когда ходила по Кавказу. Это случилось у наших соседей в Безенги под Цаннером. Мы спасали этих бедолаг ночью в своей палатке.

Из-за химической пропитки крыши памирок, иногда даже не очень сильный, но порывистый ветер разрывает оба полотнища крыши палатки на узкие ленты, разлетающиеся в обе стороны от конька, и палатка мгновенно остается без крыши с очень низкими боковыми стенками. Сильный ветер выметает из палатки абсолютно все. Это случилось в ураган с одной из двух палаток женщин на гребне под вершиной. Без палатки, вещей и подстраховки женщины замерзли.

Все это известно из переговоров женщин с Абалаковым и описания порванной на ленты крыши палатки, обнаруженной на гребне.

Не нужно искать виновных

Главная причина гибели женщин в ураган 1974 года — это запланированное отсутствие у женщин высотных палаток из прочной синтетической ткани.

Однажды, встретившись со мной глазами на ураганном предупреждении, Абалаков сказал, что будет женщин спускать. Но в окно хорошей погоды этого не сделал. Наверно, у него для этого была какая-то неизвестная мне причина.

По-видимому, Шатаев ничего не знал об особенностях памирок. Он предложил Эльвире идти с памирками, с целью облегчить женщинам сложное, многодневное восхождение. Вполне понятная цель.

Очевидно, у кураторов были свои, самые благие, намерения. Но горы есть горы, и предусмотреть абсолютно все не всегда удавалось даже таким опытным альпинистам как Абалаков и Шатаев.

3. О книге Шатаева «Категория трудности», написанной литературным записчиком (сокращенно литзаписчиком)

Я бы не стала говорить об этой книге

Я бы не стала ничего говорить об этой книге, основная часть которой посвящена событиям, в которых я не участвовала, если бы, не беспардонное изображение женщин нашего сбора в начале этой книги литзаписчиком. Сразу видно, что для него годятся любые словеса о чужих для него женщинах, лишь бы было развлекательно.

Ни одного слова сочувствия. Только балаганное описание, непонятно чем гордящихся, взбалмошных и скандальных женщин, переругавшихся за полдня до восхождения, и гордо, исключительно по своему усмотрению, желающих или не желающих подчиняться альпинистским правилам для сборов. И вся эта балаганная чушь подается в самом красочном изображении как характеристика высококлассных альпинисток женского сбора, которыми руководит опытейшая альпинистка, сотрудница Федерации альпинизма, Эльвира Шатаева, жена автора книги. Все это могло бы не касаться меня, если бы речь не шла о близких и дорогих мне женщинах, вместе с которыми я до последнего дня готовилась к совместному восхождению.

Для меня «развлекательное» начало этой книги выглядит глумлением над памятью о погибших подругах по сбору.

Но писать умеют не только литературные записчики (сокращенно литзаписчики). Поэтому в этом разделе Воспоминаний поговорю с литзаписчиком на его языке и в его стиле в трех следующих коротких вставках.

Дюма сын изобретатель профессии «литературные рабы»

Известно, что книгу Шатаева «Категория трудности» писал не он сам, а предложенный издательством и фигурирующий в разных интервью литературный записчик (сокращенно литзаписчик).

Из истории литературы известно, что профессию «литературных рабов», ныне литературных записчиков (литзаписчиков) изобрел Дюма сын в девятнадцатом веке.

В России литературные рабы появились только в двадцатом веке. Но из-за смягчения нравов, литературными рабами их уже не называли, а называли литературными записчиками (сокращенно литзаписчиками).

Профессия не умирала, очевидно, принося в зависимости от способностей, приличный доход. Так что у литзаписчика, была прямая выгода, сочиняя, старательно завлекать и развлекать читателя.

«Сочинитель» как русская замена слова литзаписчик

Для профессии литературный записчик (литзаписчик) больше подходит русское слово «сочинитель», включающее в себя оба смысла, которые допускает русский язык: первый это сочинитель-писатель, правдиво описывающий события, и второй смысл сочинитель-краснобай, который, по пословице, «ради красного словца не пожалеет и родного отца».

Иностранцы лагеря «Памир» и женский обслуживающий персонал

Второй смысл профессии «сочинитель» вспоминается сразу же, как только начинаешь знакомиться с невероятно ярким и красочным изображением женщин нашего сбора в начале книги. «Сочинитель» объясняет читателю, что женщины исключительно из-за желания продемонстрировать всем свою гордую независимость, и только из-за этого, расположились не в лагере иностранцев «Памир», а на приличном расстоянии от «Памира», на моренной полке (как и все остальные русские сборы, которые никому ничего не демонстрировали).

По правилам Всесоюзной Федерации Альпинизма (и это было всем известно) в «Памире», лагере иностранцев, под бдительным присмотром многочисленных сотрудников госбезопасности, могли жить исключительно только иностранцы и русский обслуживающий персонал.

Интересно, в качестве какого именно русского персонала, обслуживающего иностранцев, видел сочинитель женщин нашего сбора, руководимых Эльвирой Шатаевой.

Женщины нашего сбора, по очень эмоциональному и красочному описанию сочинителя в начале книги, только из-за своей непомерной гордыни упустили привилегию жить в «Памире», обслуживая (поскольку других вариантов не существовало), как именно не уточняется, иностранцев лагеря «Памир» (преимущественно мужчин).

Напомню, что автор книги муж Эльвиры Шатаевой.

Якобы незнание литзаписчиком многих, существовавших в то время, реалий альпинистской жизни (хорошо известных автору книги, сотруднику Федерации Альпинизма) несколько не смущало литзаписчика, лишь бы было завлекательно, развлекательно и хорошо продавалось.

4. Воспоминания о женском сборе Эльвиры Шатаевой

Предисловие

В течение многих лет, книга Шатаева «Категория трудности» внушала читателям, что за полдня до выхода на маршрут женщины переругались, из-за этого решили идти на многодневный высотный траверс ввосьмером с двумя малогабаритными трехместными памирками, в ураган остались без одной палатки и вещей и замерзли.

Я думала, что книга сумела убедить всех в том, что женщины погибли из-за своей взбалмошности и урагана. И вопрос закрыт.

Но оказалось, что до сих пор есть альпинисты, которые хотят знать правду о нашем сборе, главным образом, из-за более чем странного для высококлассных известных альпинисток, невероятно красочно расписанного в книге Шатаева, «собрания о несовместимости» за полдня до выхода на маршрут. Для этих альпинистов и Сергея Шибаяева написаны эти «Воспоминания».

Забегая немного вперед, хочу сказать, что целью этого последнего, Четвертого собрания было оправдать новый план восхождения: пойти на гору ввосьмером с двумя оставшимися у команды трехместными палатками, для чего исключить меня из основного состава команды, как приглашенную на сбор первоначально запасной. Это собрание, по возможности, должно было скрыть прокол со снаряжением куратора по снаряжению Шатаева, мужа Эльвиры. При нашем отношении к Эльвире мы все, и я в том числе, были готовы поддержать Эльвиру во всем.

О структуре Воспоминаний

В первоначальном замысле воспоминаний, я хотела, в виде вставок, рассказать с разрешения родственников, про альпинистскую и не альпинистскую жизнь всех участниц нашей женской команды. Все женщины нашего сбора были очень неординарными личностями и рассказы об их жизни были бы интересны читателям. Однако эти воспоминания по горячим следам оказались слишком тяжелыми и для родственников, и для меня, и тогда не состоялись.

Вставки о моей жизни в написанных воспоминаниях это напоминание о, скорее всего, гораздо более интересной альпинистской и не альпинистской жизни всех остальных женщин нашего сбора, и небольшая надежда на то, что, может быть, мои вставные рассказы вдохновят кого-нибудь на написание таких

же рассказов, с разрешения родственников, о жизни погибших женщин. Это стало бы нашей данью их памяти.

Мои немногие рассказы о своей альпинистской и не альпинистской жизни — это рассказы в ответ на рассказы моих приятельниц.

Строчки краткого содержания вписаны в текст, специально, чтобы при чтении можно было пропускать лишнюю или не интересную информацию, или даже просто пройти по воспоминаниям, читая только эти строчки краткого содержания.

Приезд на поляну

Вся команда собиралась на альпинистской базе. Я приехала последней. До меня на этой базе побывали москвичи, с которыми я ходила на Корженеву. Я знаю, что женщины расспрашивали обо мне ребят, с которыми я ходила на Корженеву. Поэтому девчата уже многое обо мне знали. Я немного знала Эллу Мухамедову. Мы с ней вместе заканчивали школу инструкторов, и там немного общались. Через день после моего приезда мы были уже на своей поляне и поставили на моренной полке свои палатки.

Лагерь иностранцев и моя секретность

Наш лагерь, как и все остальные русские сборы, по правилам Федерации Альпинизма должен был стоять в стороне от лагеря иностранцев «Памир», наштигованного сотрудниками госбезопасности.

Все руководители сборов эти правила знали. Тем более Эльвира Шатаева, сотрудница Федерации.

У нас была еще и своя причина стоять в стороне от лагеря иностранцев. У некоторых из нас была форма секретности. У меня, например, была достаточно серьезная вторая форма. Я только что делала доклад в научном институте, на территорию которого допускали всего лишь двадцать человек в год по особому списку министерства. Я имела право общаться с иностранцами только на международных конференциях или по приглашению прочитать лекцию. И у меня был еще не самый сложный вариант секретности.

В компании москвичей, с которыми я ходила на Корженеву, один парень должен был при каждом отъезде из города регулярно посылать телеграммы о своем местонахождении. Когда ребята ушли на спасаловку на пик Коммунизма, такую телеграмму о нашем сверхсекретном приятеле посылала я.

Осмотр врача и нулевое давление

Еще до официального открытия сбора, на следующий день после нашего приезда, Абалаков прислал к нам лагерного врача. Врач, как обычно, слушал и мерил давление.

Когда очередь дошла до меня, врач намерил мне нулевое нижнее давление. Я, смеясь, спросила: «Умирать буду прямо сейчас или немного погодя?» Врач сказал, что нулевое нижнее давление иногда бывает у очень тренированных спортсменов. Это знают спортивные врачи. Но обычные врачи этого не знают, и Леню Трощененко из-за нулевого нижнего давления московские, не спортивные, врачи не пропустили в основной состав экспедиции на Эверест.

Открытие нашего сбора

Когда мы обустроились в нашем лагере, Эльвира устроила торжественное открытие нашего сбора. Была торжественная линейка. Мы были одеты в дорогие по тем временам одинаковые спортивные шерстяные костюмы, которые привезла для нас из Москвы Эльвира, с пристегнутыми значками «Альпинист». Увидев в последний момент значки, я быстро сорвала девять маленьких горных цветочков и вставила их всем за значок. Такое возможно только в женской команде.

У нас не было своих фотоаппаратов. Это была единственная общая фотография всех женщин нашего сбора. На открытие сбора мы позвали друзей и устроили «прием».

Приезд Рацека на поляну

После открытия нашего сбора начались будни тренировок. Однажды в наш лагерь пришел Рацек. Рацек когда-то руководил десантом парашютистов на площадку на склоне пика Ленина. Из-за внезапного порыва ветра часть парашютов унесло на сбросы и ребята погибли. Рацек почти каждое лето приезжал на поляну, чтобы почтить их память. Зайдя в наш женский лагерь в сопровождении начальства из «Памира» и узнав, что «Памир» не получает метеосводку, Рацек сказал, что будет присылать в «Памир» метеосводку специально для женщин.

Второго августа радист получил предупреждение о приближающемся урагане и дне, когда ураган будет на пике Ленина. Прогноз оказался абсолютно точным. Но женщинам на гору его, к сожалению, не передали.

Эльвирин план простого восхождения, без траверса

Мы все знали от Эльвиры, что идем на восхождение со спуском по пути подъема. До этого времени траверс пика Ленина, по-моему, не делал никто, и мы не собирались быть первыми. Возможно, были какие-то причины, по которым все спускались по пути подъема (через скалы Липкина), и в наши планы не входило эти причины выяснять. Эльвира была очень опытной и здравомыслящей альпинистской и умным руководителем. Она планировала простое восхождение без всяких траверсов. Но ей пришлось подчиниться своим кураторам.

О навязываемых нам траверсах

Наша спортивная жизнь продолжалась своим чередом. Мы разбились на связки и провели несколько тренировок работы в связках.

Когда Эльвира пришла к Абалакову, как к нашему выпускающему, всего лишь сказать, что мы готовы идти на тренировочную вершину, он ей неожиданно сказал, что мы должны сделать траверс какой-то неизвестной нам горы (не запомнила названия) и пика Ленина. История с траверсом была для нас и для Эльвиры совершенно неожиданной и совершенно беспрецедентной по размаху мысли на предложенный нам первоначально траверс. Эльвира, очень расстроенная, сообщила нам эту новость и встретила просто шквал наших возражений. Все в самой категоричной форме заявили, что, и ни на этот, и ни на какой другой траверс, мы не пойдем. События показали, насколько женщины были правы. В команде были очень опытные альпинистки, хорошо знавшие, что такое горы, и поэтому совершение подвигов в наши планы не входило. К тому же, часть команды вообще впервые шла на семитысячник, и поэтому, в том числе, не о каком высотном траверсе двух вершин не могло быть и речи. Наш отказ был настолько категоричным, что Эльвира ушла на дальнейшие переговоры. Вернувшись, Эльвира сказала, что траверс двух вершин отменяется, но мы должны идти на траверс пика Ленина.

Мы поняли, что Эльвира сделала все, что смогла, и пилюлю с траверсом пика Ленина нам пришлось проглотить, несмотря на недостаток высотного опыта в группе и отсутствие высотных палаток.

Первое собрание (с протоколом) против траверсов

Переговоры о траверсах были предметом нашего Первого собрания. Первое собрание происходило через несколько дней после нашего приезда, когда мы все дружно отказывались от траверса.

К сожалению, наше мнение никого не интересовало.

По просьбе Эльвиры вела протокол я. О собраниях с протоколами я впервые узнала на этом сборе. На обычных сборах обсуждения происходили не часто, только по необходимости, и, конечно, без всяких протоколов, о которых большинство альпинистов даже не подозревало.

Первый акклиматизационный выход и вальс в триконях на вершине

Вскоре после нашего Первого собрания мы вышли на тренировочную гору, на акклиматизацию и «на сходимост».

У меня это был первый опыт «сходимости» в моей альпинистской жизни, и я до сих пор не знаю, должны ли мы были продемонстрировать свою схоженность, или наоборот эту схоженность приобрести за время восхождения.

Привычка к точным определениям — это издержки моей профессии, и никого, кроме меня, такие мелочи, естественно, не интересовали.

Зато мы все были в счастье от того, что мы снова в своих любимых горах, на не сложной, но, все же, вершине. Мы были в замечательной женской компании и могли не скрывать свои чувства

Кто-то, глядя на меня и специально заменив слово «моей» на «твоей», запел Питерский вальс: «Над Петроградской «твоей» стороной снег, снег, снег». Остальные подхватили, и Люда Манжарова закружила меня в вальсе.

Более весомых доказательств нашей схоженности и «совместимости» получить было бы невозможно.

Это восхождение подарило нам одни из самых светлых и беспроблемных часов на нашем сборе.

Женщины нашего сбора

ЭЛЬВИРА ШАТАЕВА, руководительница женского сбора

Душой нашей компании была красавица Эльвира из Москвы. Она была явным лидером, но совершенно демократичным. Эльвира легко и просто общалась, всегда была «своя среди своих», и не любить её было просто невозможно.

Наедине с собой Эльвира всегда что-нибудь напевала, особенно часто песенку: *«Стою на полустаночке в цветастом полушалочке, а мимо проезжают поезда»*.

Нам Эльвира сказала, что привезла двести анекдотов, и, рассказав очередной, говорила: «Осталось 199, осталось 180 и так далее». Самих анекдотов не помню, но их количество впечатляло.

Эпическое объяснение Джона Эльвире, почему американцы моются в бане вместе с Евой

Однажды Эльвира, узнав, что протопили баню международного лагеря, позвала меня, и мы с ней пришли к деревянному банному домику, который стоял ниже «Памира». В бане кто-то мылся, но было неясно ребята или женщины. Мы стали ждать, когда кто-нибудь выйдет. Вышел радист, парень из местных. Эльвира спросила его, кто там моется, имея в виду, кто из иностранцев. У парня был ошалелый вид, и он, заикаясь, сказал: «Они..., они..., они там моются все вместе». Поднимаясь к «Памиру», он еще несколько раз оглядывался, не понимая до конца, где он только что был и что там видел. Американцы мылись вместе с Евой.

Эльвира и я были знакомы с этой командой американцев. Однажды я и Эльвира болтали с ними за пределами их лагеря. Первым вышел руководитель американской команды, Джон. В их команде была одна женщина, Ева. Эльвира с некоторым осуждением спросила: «Джон, почему Ева моется вместе с вами?» На что Джон на хорошем английском эпически отвечал: «Ну как почему? Бывают альпинисты мужчины, и бывают альпинисты женщины. Женщины тоже хотят помыться».

По его понятиям это было абсолютно исчерпывающее объяснение.

Сергей Саввон и наши скалы в жизни Эльвиры

С Эльвирой меня неожиданно связывали наши скалы на Ястребином озере и дружба с Сергеем Саввоном, председателем нашей городской федерации альпинизма. В то время я каждую пятницу на вечерней электричке, с весны до осени, выезжала на скалы. На скалах была удивительная жизнь. Днем были скальные тренировки, соревнования, а вечером костер в своем лагере или в гостях, гитара, песни, шутки, забавные рассказы о горах. Из-за этих выездов все ленинградские альпинисты были друзьями, и это создавало совершенно неповторимую, особую атмосферу на скалах.

Сергея Саввон мне рассказывал, что однажды привез на скалы Эльвиру. Наша жизнь на скалах и наша альпинистская компания настолько поразили Эльвиру, что, со слов Сергея, после этого Эльвира захотела заниматься альпинизмом. На нашем сборе я поняла, что Эльвира была бы рада увидеться с Сергеем Саввоном, и предложила осенью устроить сбор команды у меня в гостях в Ленинграде, в моей отдельной квартире. С подачи Эльвиры этот план все поддерживали. Эльвира несколько раз всем напоминала о Ленинградской встрече. Последний раз в день перед выходом на восхождение.

Мой рассказ Эльвире о приезде Нила Армстронга, первого человека на Луне, в Ленинград

Я собиралась устроить девочкам прогулку по набережным Невы, посмотреть, как разводятся ночью мосты и показать Таврический дворец, где на Международном Симпозиуме по Солнечно-Земной физике с докладом выступал Нил Армстронг, первый человек на Луне. Я была участницей этого Симпозиума, слышала доклад Армстронга и видела, привезенный Армстронгом, небольшой лунный камешек асфальтового цвета, который охраняли двое мужчин внушительного вида. Как писал когда-то Булгаков: «Они были в штатском, но штатское им не шло».

Армстронг был невероятно обаятельным и открытым. Он рассказал о сложностях и опасностях выхода на Луну. В частности, их скафандры были устроены так, что если астронавт падал на спину, то подняться сам без посторонней помощи он уже не мог. А астронавтов было всего двое! И это была не единственная смертельная опасность на Луне. Но когда я спросила Армстронга, было ли страшно, он ответил: «Запланированной работы было так много, а времени так мало, что бояться было просто некогда». Так просто и откровенно.

Много лет спустя, мне довелось услышать от своей знакомой, что, когда в её частной беседе с Нилом Армстронгом, она спросила его: хотел бы он полететь на Луну еще раз, Армстронг ответил: «Нет».

Более подробный рассказ о докладе Нила Армстронга я опубликовала в журнале «Университет» (2012, №5), в апреле месяце. А через несколько месяцев, в августе, Нила Армстронга не стало.

Время не властно над воспоминаниями

С Эльвирой я общаюсь мысленно каждый день. У меня дома на видном месте стоит ее прекрасная фотография.

ЛЮДМИЛА МАНЖАРОВА, спортивная и жизнерадостная

Люда Манжарова была из города Фрунзе в Киргизии. С Людой Манжаровой, очень жизнерадостной, энергичной и спортивной, нас неожиданно для меня сдружил футбол. И это притом, что моя учительница музыки категорически запретила мне любые игры с мячом. Пианистке нужны две здоровые руки для клавиатуры и две здоровые ноги для работы педалями. И я довольствовалась более спокойными развлечениями. У Люды же энергия была ключом.

Наш футбол и Людины рассказы

Люда привезла с собой настоящий футбольный мяч, и искренне не могла понять, почему на еще не семитысячной высоте все отказываются играть с ней в футбол. Я была её последней надеждой и сдалась, не сумев, как все остальные, отказаться. Думаю, наши с Людой футбольные погонялки на приличной высоте в горах выглядели впечатляюще. Люда при этом еще успевала рассказывать мне разные истории из своей альпинистской жизни. При Людином футбольном энтузиазме, я практически все свободное дневное время проводила с Людой и её футбольным мячом.

Наградой мне были её увлекательные рассказы. Она была замечательной рассказчицей. Рассказывала, в основном, о своей альпинистской жизни.

Однажды ребята поручили ей увести вниз с довольно сложного маршрута приболевшего парня из их команды. Я знаю, насколько это трудно, потому что тоже вводила вниз с ледопада одного москвича (нашего сверхсекретного приятеля), когда мы поднимались на высотную заброску на Корженеве. Он приехал позже нас, и ему при подъеме на заброску не хватило акклиматизации.

В ответ на альпинистские рассказы Люды Манжаровой мой рассказ о медведе-альпинисте

В отличие от моих немногих альпинистских рассказов, и рассказа о горных галках на Корженеве, у Люды было много захватывающих альпинистских историй.

В ответ я рассказала ей историю о своей встрече с медведем-альпинистом.

Это было на Алтае, в ледовом цирке.

Довольно большой глубокий цирк был окружен крутыми снежными склонами. На одном из этих склонов, в жаркий полдень развлекался, наверно, еще молодой медведь. Он совсем, как наши мальчишки съезжают с горок, скатывался с этих снежных склонов.

Мишка подходил по леднику к склону, внимательно его осматривал и лез всеми четырьмя лапами по снегу наверх. Когда снег переставал его держать, он съезжал вниз, на ледник, на «пятой точке» с поднятыми передними лапами.

Съехав, какое-то время сидел с поднятыми передними лапами и в некоторой задумчивости, смотрел на свой след. Потом вставал на четыре лапы, делал несколько шагов в сторону, снова лез вверх по склону и потом, скатившись, снова сидел в задумчивости. Было видно, что он счастлив. Невозможно было смотреть на него без улыбки.

Увидев очень живую Людину реакцию на рассказ о мишке-альпинисте, я вспомнила и рассказала Люде, пока мы бегали с футбольным мячом, еще о нескольких моих встречах с медведями.

Рассказ для Люды о медведе джентльмене в Саянах

В случайном таежном походе, в Саянах, по Тофаларии, я прошла одна почти трехсоткилометровый маршрут по ненаселенке, и три дня шла на перевал в компании с медведем на некотором, не очень большом расстоянии от него. Он знал о моем присутствии, видел мой лагерь, когда проходил мимо. А я, вернувшись в свой лагерь с водой, увидела на тропе медвежьих следы и, пройдя немного по следам, увидела дымящийся медвежий помет.

Знакомство состоялось.

Позавтракав и собрав лагерь, я пошла вслед за медведем на перевал. В тайге все натоптанные тропы медвежьих, других нет.

Мишка все три дня подкармливал меня ягодами красной смородины с кустов, которые были в стороне от тропы, и о которых знал только он. Он никогда

не объедал весь куст целиком. Всегда оставлял немножко и мне. Точно был джентльменом.

Рассказ для Люды о медвежьем чуде на Камчатке, медведице с четырьмя медвежатами

На Камчатке, на расстоянии нескольких метров от меня, я видела медвежье чудо из чудес: медведицу, идущую в лес с четырьмя (!) медвежатами сосунками. Самый маленький четвертый медвеженочек при любом удобном и неудобном случае сразу же пристраивался к медведице и начинал её сосать. Такие незабываемые сценки!

Обычно у медведиц бывает только один или два медвежонка сосунка.

Люда Манжарова, «человек-праздник»

Люда Манжарова, высокая, стройная была «человек-праздник». Всегда с улыбкой, необычными идеями и невероятной энергией, она излучала любовь к жизни и к людям. С подачи Люды мы танцевали вальс на вершине, когда ходили на акклиматизацию. Повстречаться и прожить какую-то часть жизни рядом с таким человеком, как Люда Манжарова, для меня было подарком судьбы. Как оказалось неповторимым.

ИРА ЛЮБИМЦЕВА, спокойная и остроумная

Ира Любимцева была из Свердловска. В смысле жизнерадостной энергичности Ира Любимцева была полной противоположностью Люды Манжаровой. Ира была очень спокойной и невозмутимой в любых ситуациях. Но при этом от нее исходила такая доброжелательная внутренняя сила, что это сразу делало её заметной и сразу к ней привлекало. Ира была очень сдержанной, но ценила юмор и могла негромко подшутить. Мы с Ирой как-то сразу почувствовали взаимную симпатию.

Ира у нас была главной по продуктам на восхождение. У нее был безмен для взвешивания. Но взвешивать весь день продукты на заброску ей не хотелось, она справедливо решила, что лишние граммы нас волновать не будут, и попросила разрешения обойтись без взвешивания. Никто не возражал. Но кроме продуктов у нас был бензин в закупоренных банках. Еще внизу я увидела, что на банках указаны не литры, а галлоны. Ира не обратила на это внимания, и мы спокойно занесли на заброску почти вдвое больше бензина, чем нам нужно было на восхождение. Лишний бензин оставили в снежной пещере с запиской,

что он для всех, кому может понадобиться. Сразу пошутили, что занесли лишний бензин из «женской сердобольности, для заблудших душ». Шутка оказалась пророческой. Первыми «заблудшими душами» оказалась связка Шатаева. Они попали в туман, не успели спуститься и наш бензин в пещере оказался для них спасительным.

Этот небольшой эпизод с лишним бензином красноречивее всех слов говорит о том, что наша команда была тренированной и сильной, и, конечно, точно также, не заметив никакого лишнего веса, могла бы идти на высотное восхождение с высотными палатками.

У нас была жизнерадостная и сильная команда, и неразбериха с галлонами и литрами всех только повеселила.

Ира была очень опытной альпинистской. Она сразу видела, где нужна помощь, и мгновенно включалась в работу. Когда на заброске нас накрыл плотный туман, и я решила спускать команду, используя придуманную мной «альпинистскую туманную технику», Ира без слов поняла идею спуска и встала первой. Это самая сложная позиция при спуске, и мы вышли точно в нужную точку на скалах.

Меня с Ирой роднили еще и похожие, как мне казалось, отношения с горами. Альпинистские восхождения давали редкую возможность отключиться от бесконечных размышлений на заданную тему по работе и забыть на время бесконечную суету с собраниями, заседаниями и не всегда простыми общениями с западными и нашими редакциями и издательствами.

Я надеялась увидеться с Ирой на нашем сборе в Ленинграде, показать ей наших ангелов, побродить часок по Эрмитажу. Но у наших судеб были совсем другие планы.

ИЛЬСИЯР МУХАМЕДОВА,
опытнейшая альпинистка, поэт, и моя самая близкая подруга

Ильсияр Мухамедова была из Душанбе в Таджикистане. В повседневном общении мы звали Ильсияр Эллой.

С Эллой нас связывала настоящая, и как мы надеялись, долгая дружба.

Лекция о женищинах в школе инструкторов

Мы с Эллой вместе были в школе инструкторов и иногда вспоминали разные забавные истории на лекциях. Например, лекцию о переправе новичков

через речку жизнерадостный лектор начинал словами: «Берем двух стажеров в плавках...» и дальше уже о самой переправе.

Но самой захватывающей была лекция о спортивных группах. В наше время число женщин в спортивных группах строго лимитировалось.

Лекцию о спортивных группах на восхождение читал Шатаев. Мы должны были все подробно записывать, чтобы потом рассказать это на экзамене. Он сказал, что в каждой спортивной группе может быть только одна женщина. Подождал, пока мы это аккуратно запишем и, строго глядя на нас, добавил: «При этом женщину инструктора считать женщиной!». Это указание вышестоящего альпинистского начальства долго было любимым анекдотом на наших скалах.

Стихотворные вечера в палатке

В школе Элла рассказывала мне о своем последнем женском восхождении под руководством Эльвиры на красавицу Ужбу.

Мне запомнился остроумный и доброжелательный юмор Эллы в ее рассказах.

В школе инструкторов свободного времени было не много. Зато теперь Элла приходила ко мне в палатку каждый свободный вечер.

В моей палатке жила еще Таня Бардашева, тоже из Душанбе, как и Элла. Но почему-то Таня компанию нам никогда не составляла. Таня была очень закрытым человеком и, возможно, наши частые стихотворные вечера с Эллой её раздражали. Стихи любят не все.

Мы с Эллой быстро выяснили, что мы знаем и любим одних и тех же поэтов и можем без конца слушать одни те же стихи. Элла их прекрасно читала столько времени, сколько у нас было, а я по домашней привычке с сестрой филологиней мгновенно подсказывала Элле забывшуюся строчку, чтобы чтение не прерывалось. Это были замечательные вечера с прекрасными стихами.

Вскоре Элла стала читать мне стихи, которые я не знала и слышала их впервые. Элла читала их с той особой интонацией и певучестью звуков, с которой обычно читают свои стихи поэты, и я поняла, что Элла читает мне свои собственные стихи. Так я узнала, что Элла была ещё и замечательным поэтом.

Ответить тем же я не могла.

Как и все в моем окружении, обычно по-русски, иногда по-английски, я писала «стихи на случай», и только. К поэзии это никакого отношения не имело. Зато я могла почитать Элле стихи замечательного русского поэта, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, Иосифа Бродского.

Рассказ для Эллы об Иосифе Бродском. Поэт и ангел, шагающий по крышам

Стихи Бродского тогда были малоизвестны, потому что не печатались, и ходили по рукам только в списках. Я начала с моего любимого Питерского:

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.*

Прочитав все стихи Бродского, которые я знала, я рассказала Элле о моей единственной встрече с Бродским, когда в гостях у наших общих друзей, я была единственной гостьей, и он весь вечер читал стихи мне одной.

Была белая майская ночь. Мы засиделись в гостях у друзей, и так как телефона, чтобы вызвать такси, не было, мы пошли с острова Голодай на «берега Невы».

Вернее, сначала на Васильевский остров, на котором не встретили ни одной машины и ни одного человека. Огромный остров на двоих!

Ангел, шагающий по крышам

Когда мы вышли на Первую линию Васильевского острова и шли в сторону Большой Невы, Ося показал мне ангела, шагающего по крышам.

Иллюзия была полной и зрелище невероятным, особенно в таинственную майскую белую ночь.

Ангел, венчающий католический собор на Съездовской линии, вдруг покидал его, и, не отставая от нас, шагал по крышам противоположных невысоких старинных домов.

Крыши огораживали невысокие решетки с вертикальными внутренними столбиками. Если встать так, чтобы казалось, что ангел стоит наверху решетки, то при ходьбе кажется, что вертикальные столбики убегают из-под ног ангела назад, а ангел идет вперед вместе с вами.

Этот гуляющий по крышам ангел, потом часто бывал моим спутником, когда я ходила по Первой линии.

Рассказ для Эллы про Питерских ангелов

Эта майская ночь была ещё ночью ангелов. Мы видели трех. Осинового ангела-гуляку на Васильевском острове, второго, ангела — непоседу на Заячьем острове на шпигеле Петропавловской крепости. Этот ангел был флюгером и все время вертелся. Третий ангел «жил» на верхотуре «Александрийского столпа» на Дворцовой площади.

Он не гулял, не вертелся, и был само величие.

По ночам он, наверно, «присматривал за ветренными богинями, жившими рядом с ним на крыше Зимнего дворца».

Рассказ для Эллы про монолог Гамлета на английском

Когда мы вышли на Марсово поле, Ося стал читать по-английски монолог Гамлета:

To be or not to be

What is the question.

(Быть, или не быть?)

Вот в чем вопрос.)

У Оси была удивительная, музыкальная манера читать стихи. Я заслушалась, и, забыв обо всем на свете, автоматически, чтобы не прерывать чтения, подсказала ему по-английски одну из строчек, которую он забыл почти в конце монолога. Уже через секунду я сообразила, что совершила великую глупость. Но было поздно. Ося, казалось, не сразу сообразил, что это подсказала ему я, как он знал, математик (филологом я стала много лет спустя). Он остановился, как-то странно посмотрел на меня, и сразу сменил тему. Стихов больше не было, к моему великому огорчению. Недаром говорят, что «от многия знания, многия печали».

Вскоре мы вышли на Литейный проспект, я поймала такси, и мы распрощались. За всю нашу прогулку мы не встретили ни одной машины и ни одного человека. Такими были те времена!

На память о Бродском мне остался «май безумный с белыми ночами», вечер его замечательных стихов и «ангел, шагающий по крышам».

Наша с Эллой похожая городская жизнь и экзамены абитуриентов

С Эллой мы еще совпадали по профессии преподавателя, и должны были принимать, обычно в августе, экзамены у абитуриентов. У меня эта летняя повинность случалась не часто, и редко совпадала с альпинистскими сборами, а Эллу включали в приемную комиссию почти каждый год.

Элла рассказывала мне, что несколько раз привозила справку со сборов, что именно в экзамены тяжело заболела в горах и приехать к экзаменам не могла. Но вскоре ректор заподозрил, что это не случайное совпадение, и в этом году потребовал, под угрозой увольнения, чтобы здоровая или больная Элла была в городе к началу экзаменов. Поэтому в этом году Элла так зависела от сроков восхождения.

Элла была самой опытной альпинистской нашего сбора.

Элла четыре раза была на семитысячниках. На пике Евгении Корженевской (два раза), на пике Коммунизма и на пике Ленина. За свои высотные восхождения Элла была награждена медалью «За выдающееся спортивное достижение».

Эльвира очень дорожила участием Эллы в нашем сборе и всегда считалась с ее мнением.

Мы с Эллой собирались встречаться у меня в Ленинграде, но забыли одну известную истину: «Если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Оказалось, что это и про нас с Эллой.

ГАЛЯ ПЕРЕХОДЮК, единственная мама

Галя Переходюк была из закрытого города Миасса. Её муж, тоже альпинист, руководил Челябинским сбором на восхождение на пик Ленина в один месяц с нами. Поэтому знал все о нашем сборе.

Однажды мы общались с ними в общей спасаловке. Мы единственные помогали им спускать заболевшего парня ночью по скалам. Все альпинисты знают, что заболевшего нужно немедленно спускать вниз, но не все это делают, тем более, ночью и по скалам. Галин муж был очень грамотным альпинистом и руководителем. Такой же грамотной альпинисткой была и Галя Переходюк.

У Гали в Миассе остался ребенок. Галя была единственной мамой среди нас, и это очень выделяло её из всей нашей компании.

Мы все любили Галю за открытость и мягкую доброжелательность.

ТАНЯ БАРДАШЕВА,
ставшая в американском фильме Эльвирой Шатаевой

Таня Бардашева была из таджикского Душанбе, как и Ильсияр Мухамедова. У Тани были мягкие красивые черты лица, и, казалось, абсолютная невозмутимость. Таня была немногословна и, наверно, очень разборчива в выборе друзей и в своих привязанностях. За внешней сдержанностью угадывался большой ум, образованность и полная самодостаточность.

Танины друзья потом написали, что «самым радостным событием в ее спортивной жизни было утверждение в группу восходительниц на пик Ленина». Известно, что Таня была на вершине.

Мне казалось, что Таня принадлежала к тому исключительному типу людей, которые при любых обстоятельствах говорят, то, что думают.

Редкий, но тяжкий дар.

Таня в американском фильме

Таня была очень основательным не суетным человеком, и я бы, не удивилась, если бы узнала, что она руководила сборами. Также подумали о Тане и американцы, когда создавали свой фильм на десятилетие гибели нашей женской команды. Это была не команда Джона. В нашем лагере они два дня подряд без нашего разрешения охотились за нашими портретами, и я два дня отсиживалась в палатке, чтобы не попасть на чью-нибудь фотопленку. Поскольку американцы (не команда Джона) приходили в наш лагерь без приглашения и снимали нас без разрешения, у них остались только портреты, без фамилий. При создании фильма американцы решили, что именно Таня Бардашева была Эльвирой Шатаевой, и именно Таня руководила в фильме женской командой при восхождении на пик Ленина.

Этот фильм показывали и по нашему телевидению.

Так случилось, что нам с Таней ни разу не удалось поговорить. Таня была очень закрытым человеком. Я надеялась разговорить Таню осенью у меня в Ленинграде. Но наши судьбы мало интересовали наши земные планы.

ВАЛЯ ФАТЕЕВА,
улыбчивая москвичка

Кроме Эльвиры на нашем сборе из Москвы были еще две женщины: Валя Фатеева и Нина Васильева. Они были очень разные внешне, но одинаково очень спортивные, что сразу бросалось в глаза.

У Вали Фатеевой всегда была чуть сдержанная, но сразу располагающая к себе улыбка. С ней было очень приятно общаться.

**НИНА ВАСИЛЬЕВА,
«правая рука» Эльвиры Шатаевой**

Нина Васильева была спокойной и немногословной. Она одинаково хорошо делала любую работу.

Нина была правой рукой Эльвиры по разным организационным вопросам.

Осенью, в Москве, я два раза была дома у родных Нины, чтобы рассказать о Нине на сборе, и сказать о Нине немного теплых слов.

Никто не приехал

Я звала в гости своих подруг, чтобы показать им мой прекрасный город. Надеялась осенью увидеть всех девчат у меня в гостях, в Ленинграде, со всеми поболтать.

Наверно, «плохо звала».

Никто не приехал.

Вспоминать об этом сейчас очень тяжело.

Подготовка к высотной заброске.

На сборе наша дальнейшая спортивная жизнь пока шла по обычному плану. После восхождения на акклиматизационную вершину следующим этапом была высотная заброска.

Сурки и «электрик»

Вернувшись с тренировочной горы, мы начали готовиться к высотной заброске. И тут нам аукнулось сравнительно близкое расположение лагеря иностранцев, и в нем сотрудников госбезопасности.

Наш лагерь располагался на моренной полке, выше лагеря «Памир», в котором инструкторами работали наши знакомые. Но мы договорились с ребятами, что будем иногда специально приглашать их на чай, а в остальное время все занимаемся своими делами. Нарушал это правило только один сотрудник госбезопасности, который, возможно, должен был за нами негласно присматривать. В лагере иностранцев они почему-то все числились электриками.

Один из этих «электриков» почти каждый день проходил через наш лагерь, вверх по склону, чтобы убивать и свежевать сурков на будущие шапки. Это было отвратительно. Милые забавные сурки украшали нашу жизнь в горах. По утрам сурки устраивали забавные шумные «собрания».

Я любила «братьев наших меньших». У меня за пианино жила «знакомая» мышка, которая, усевшись около моего стула и подняв мордочку к клавиатуре, могла часами слушать, как я играю. Это подлинная история, о ней знали мои домашние.

Наших сурков любили все альпинисты, и сурки привыкли не бояться людей. Про то, что среди нормальных людей бывают «электрики» сурки не знали.

Рассеченная ладонь вместо рассеченной груди

У нашего «электрика» из кармана плотной куртки всегда торчал тонкий острый нож, очевидно, его «рабочий инструмент». Однажды он сидел рядом с женщинами, которые чистили орехи на восхождение. Когда я проходила мимо него, он мгновенным профессиональным ударом незаметно подбил мне ноги так, чтобы я упала прямо в его объятия, грудью на его грудь. Такая горячая любовь к нему на глазах у всех! Он забыл, что я в легкой футболке падаю грудью прямо на его бритвенный нож и могу также расстаться с жизнью, как его бедные сурки. Меня спасло отвращение к нему и мгновенная альпинистская реак-

ция. Я успела выставить перед грудью руку, и его нож рассек мне не грудь, а ладонь правой руки, до костей.

Больше в наш лагерь этот «электрик» не приходил.

Такой ценой мы от него избавились.

Врач терапевт и «хирургический кабинет»

Я пошла к врачам в «Памир». Ладонь нужно было зашивать. Но все хирурги были в верхних лагерях. В «Памире» был только врач терапевт. Он был доктором медицинских наук и руководил клиникой в Москве. Он консультировал, как терапевт, лауреата Нобелевской премии по физике, Ландау, после автомобильной аварии. Но швы он накладывал последний раз, наверно, на каком-нибудь курсе медицинского института.

Увидев мою руку, он мрачно сказал, что нужно зашивать. Я тогда подумала, что вообще-то мрачной нужно быть не ему, а мне. Вскоре, однако, выяснилось, что у него были очень веские основания для мрачности.

Но пока врач стал организовывать «хирургический кабинет». Для этого он пошел искать большие валуны для двух сидений и хирургических инструментов. Найдя, посадил меня напротив, чтобы примериться, но что-то ему не понравилось, и он пошел искать и прикатил для меня более подходящий валун. «Хирургический кабинет» был готов.

Хирургия без обезболивания

Врач пошел в медицинскую палатку. Высокообразованный врач был терапевтом и не знал названий современных обезболивающих лекарств. Походив около стеллажей с лекарствами в медицинской палатке, он вышел оттуда еще более мрачным, чем зашел, и спросил меня, потерплю ли я эту хирургическую экзекуцию без обезболивания. Вопрос был риторическим, потому что выбора у меня не было. Я сказала, что потерплю, но попросила после каждого шва давать мне отдохнуть.

Кожа на ладони очень прочная, и проколоть ее иглой у врача никак не получалось. Я хорошо помнила, что медсестры, делая уколы, пробивают кожу небольшим ударом. Возможно, этот прием мог бы сработать и сейчас. Но давать медицинские советы доктору медицинских наук я не решилась. И мой «хирург поневоле» пытался проткнуть иглу сквозь кожу моей ладони, налегая на иглу от живота всем весом своего тела.

После первого шва мы оба взмокли, я от боли, врач от физических усилий и напряжения, и выяснилось, что отдыхать нужно нам обоим.

Из-за сильной боли я не помню, как были наложены остальные швы.

Чтобы не мешать работать врачу, я перенесла сшивание иглой очень чувствительной кожи ладони без единого стога. Терпела из последних сил.

Потом девчата поделились, что врач оценил мое самообладание.

Кости больше не торчали, через несколько дней врач выдернул из ладони нитки, и мы смогли пойти на заброску. До сих пор восхищаюсь этим врачом и благодарна ему.

Выход нашей команды на высотную заброску и участие в спасении челябинца

После подготовки продуктов и высотного снаряжения, мы вышли на высотную заброску, которая одновременно была и второй высотной акклиматизацией после вершины на сходимост. Мы пришли в высотный лагерь под скалами, чтобы заночевать там и утром пойти на заброску. Здесь стояли только мы и отдельно киношники из «Памира». Неожиданно, ночью, мы услышали крики Челябинцев со скал, что им нужно как можно быстрее спустить вниз заболевшего ночью участника. Мы все, женщины, тогда еще вдвоем, сразу вышли по скалам навстречу ребятам, чтобы участвовать в спасаловке.

Киношники и наши кухонные примуса

Неожиданно и, к счастью, вовремя Эльвира увидела ринувшихся ночью на скалы киношников, не имевших никакой альпинистской подготовки. Только их переломанных рук и ног нам не хватало! Эльвира попросила меня увести киношников подальше от скал, чтобы они не болтались у альпинистов под ногами. Но это было легче сказать, чем сделать.

Неожиданно меня осенило. Я сказала ребятам, что для них есть очень важное, чисто мужское, дело, разжечь два примуса, чтобы кипятить чай для спасателей и больного. Я выдала мужикам примуса, рассказала, как их заправлять и накачивать, но «забыла» рассказать о прогревании горелок. Без специального прогрева горелка не зажигается. Теперь я знала, что развлечения с примусами ребятам может хватить «до скончания века».

Через некоторое время, когда все наши уже были на скалах, я послала своих киношников за водой, в их отсутствие разожгла примуса, сказала им, что они справились с примусами и теперь самое главное все время кипятить для всех чай. После этой небольшой истории с примусами и нейтрализацией киношников, я присоединилась к спасателям.

Когда парня с пневмонией, которая разыгралась у него, за полчаса, ночью, спустили вниз, из соседнего лагеря принесли кислород.

У Челябинцев было особое отношение к женской команде, потому что именно женщины, помогли спасти жизнь их товарищу. Внизу врач сказал, что до утра на горе парень бы не дожил.

Ребята хотели, в случае необходимости, так же помочь женщинам на горе, как женщины помогли им, но, уходящий вниз Клецко, отказался поменяться на время рациями с Челябинцами, оставив женщин без подстраховки.

Проблема на высотной заброске

После ночной спасаловки, утром мы вышли на высотную заброску.

По договоренности с Эльвирой я была запасной, но я была в прекрасной компании, в горах, и мое положение в команде меня мало беспокоило, пока дело не дошло до моей высотной заброски.

Мое высотное снаряжение

В то время альпинистское снаряжение в магазинах не продавалось. Все мое высотное снаряжение было подарено мне друзьями. Французские легкие кошки мне подарил мой коллега по университету, Сережа Саввон, когда узнал, что я иду на Корженеву. С этими кошками я прошла на передних зубьях часть ледопада по пути на заброску на Корженеве. Благодаря Сережиной помощи и расположения директора пуховой фабрики, мне продали годовой запас лебяжьего пуха, для спальника, пуховки и безрукавки. С этим лебяжьим пуховым снаряжением я до сих пор спокойно ночую зимой в лесу при любом морозе.

Даже темные очки, после Корженевы, друзья заказывали для меня где-то специально. Смешно об этом говорить в связи с альпинизмом, но из-за своих ресниц я обычные альпинистские очки все время отодвигала от глаз, и при восхождении на Корженеву, на леднике, сожгла себе глаза и заработала снежную слепоту с сильнейшими болями на всю ночь. Но мне повезло, к утру я стала немного видеть, понемногу оклемалась и нормально сходила на вершину. Даже занесла на вершину апельсины.

Апельсины на вершине Корженевы

На вершине я подарила всем ребятам по апельсину (несла их тайком с базара). Я знала, что у ребят это была вторая попытка. Первая закончилась невероятно трудной и сложной спасаловкой. У руководителя отнялись ноги почти под вершиной, и всего несколько человек, одни, спускали его вниз по всему

маршруту. Спасатели пришли и подключились только внизу, под маршрутом. Андрюша Мигулин, который был руководителем во второй, нашей, попытке, рассказывал мне, что, когда пришли спасатели, внизу появилась, наконец, возможность залезть в спальный мешок. Но он никак не мог снять одну кошку. Тогда он залез в спальный мешок головой вперед, а из спальника торчали его ноги с кошкой.

***Моя высотная заброска
и наше Второе собрание (без протокола)
о моем включении в команду на восхождение***

Потерять высотную заброску в те времена означало, не иметь возможности ходить на высотные восхождения. Поэтому я решила выяснить у Эльвиры, иду ли я на восхождение вместе со всеми или уношу свою заброску вниз. Это выяснилось на нашем Втором собрании. Собрание без протокола.

Эльвира сразу собрала собрание без меня в соседней палатке, объяснила всем, что по договоренности со мной я на сборе запасная и теперь нужно решить становлюсь ли я членом команды или нет. Вернувшись через несколько минут, Эльвира сказала, что все единогласно решили, что я иду на восхождение вместе со всеми. Идем вдвоем. Так после Второго собрания я из запасной стала полноправным членом команды и поэтому оставила свою заброску наверху.

Австрийцы, спускающиеся на лавине

Днем была прекрасная погода, и я смотрела, как с Раздельной спускаются разные группы иностранцев. При спуске, на леднике нужно было преодолеть не глубокую, но очень широкую и длинную трещину. Кто-то ее обходил, кто-то в неё спускался.

Но меня потрясли австрийцы. Они спустили небольшую лавину, вспрыгнули на нее с краю, и верхом на лавине перемахнули через эту трещину. Потом они с лавины спрыгнули и, как ни в чем, ни бывало, спустились вниз. В отличие от многочасовых спусков остальных команд, они скатились к подножию Раздельной не больше, чем за 20-30 минут. При встрече я расспросила одного из них, как им это удается. Он сказал, что они специально тренируют такие спуски в Альпах. Тогда я спросила: «А если не успеть вовремя с лавины спрыгнуть?» В ответ мой собеседник выразительно развел руками. Все было ясно без слов.

Брак первой бракованной палатки

Ночью был дождь, и выяснилось, что одна трехместная палатка бракованная, протекает по коньку. Мы поделились на «толстых» и «тонких» и провели остаток бессонной ночи в двух трехместных палатках. А утром на нас опустился плотный непроницаемый туман. И у нас была перспектива провести еще одну бессонную ночь вдевтером в двух трехместных палатках.

Спуск к скалам в тумане

Нам повезло. В какой-то мгновенный разрыв тумана я засекала направление на скалы и сразу выставила на мысленной прямой в этом направлении двух женщин. На мою идею мгновенно среагировала Ира Любимцева и встала первой. Это самое сложное и трудное участие в спуске потому, что руководит спуском третий участник, а первый линию спуска не видит.

Я смогла тогда спустить нашу команду вниз на скалы при полном отсутствии видимости, пользуясь придуманной мной «альпинистской туманной техникой» (см. Приложение 2). В те времена это была единственная надежная возможность.

Эта техника основана на том, что в пространстве Евклида через две точки можно провести только одну прямую. Остальное очевидно.

Эта альпинистская туманная техника оказалась спасительной для спуска в тумане с высотной заброски женской команды на пике Ленина.

Наша жизнерадостная компания тут же остроумно, но весьма двусмысленно, окрестила эту «альпинистскую туманную технику» «туманной математикой».

Непростые проблемы с палатками

После ночного дождя у нас осталось только две палатки на девять человек. Но мы все были достаточно опытными альпинистками, чтобы, ни на минуту не сомневаться в наличии запасной палатки. Особенно я, потому что Эльвира отказалась от моих высотных палаток, которые я предлагала привезти из Ленинграда. Абсолютно уверенная, как и все, в наличии запасной палатки, я оставила на заброске свое бесценное высотное снаряжение. Иначе я унесла бы его вниз, зная, что тогда точно смогу пойти на гору со своей университетской командой.

Наше Третье собрание (без протокола) о моем дальнейшем участии в восхождении

Собрание без протокола. Как только мы спустились в свой лагерь, Эльвира собрала нас на собрание. Она была невероятно расстроена потерей одной памирки. Из-за этого теперь нужно было менять план восхождения на худший вариант. Неожиданно попав в такую неприятную и сложную историю, Эльвира забыла сказать нам, что запасной палатки у команды нет, что я снова становлюсь запасной и остаюсь внизу.

Эльвира без предисловия и объяснения сказала нам, что меня нужно исключить из команды из-за «технической неподготовленности».

Решив, что все мы понимаем, что теперь у нас на девять человек есть только две трехместные палатки, и поэтому я, как запасная, остаюсь внизу, Эльвира разумно предложила для отчета эту, достаточно, нейтральную формулировку.

Но о том, что запасной палатки нет, в команде знала только Эльвира. Ничего не сказав нам про палатки, Эльвира предложила исключить меня из команды из-за технической неподготовленности после Корженевы и после того, как только что, именно в силу своей технической подготовленности, я спустила нас всех вниз в тумане. Сказать, что это прозвучало как «гром среди ясного неба», это ничего не сказать. Мы все застыли в немом изумлении. Никто не понимал, что случилось с Эльвирой.

Первой слегка пришла в себя Элла Мухамедова и сказала: «Давай я возьму Эльмиру в свою связку».

Наше Третье собрание состояло из двух фраз. Эльвира. «Я предлагаю исключить Эльмиру из-за технической неподготовленности». Элла Мухамедова. «Я могу взять Эльмиру в свою связку». Не зная истинного положения дел с палатками, девочки отказались исключать меня из команды.

Третье собрание на этом закончилось.

Мое исключение из команды тогда, к сожалению, не состоялось.

Третье собрание внизу, как и Второе собрание на высотной заброске, проводилось без протокола.

Мы, наконец, поняли проблему с палатками

Уходя, Эльвира произнесла еще одну фразу: «Хорошо, я попробую достать палатку в Памире», и сразу ушла. Тут только мы поняли, что запасной палатки нет и все дело в этом. Если бы Эльвира объяснила нам раньше, что у нас на девять человек есть только две трехместные палатки, запасной палатки нет,

и теперь я снова в команде запасная, мы бы все сразу согласились выполнить эту протокольную обязательку с моим исключением, без всяких обсуждений, или с любыми обсуждениями, которые были бы нужны Эльвире. И не нужно было бы устраивать цирк с несовместимостью накануне восхождения.

Попытка найти третью палатку в лагере иностранцев

Эльвира сказала, что палатку нужно просить у завхоза «Памира». Мы, как и все остальные русские сборы, к лагерю иностранцев не имели и не могли иметь никакого отношения, и скорее всего завхоз нам бы палатку не дал, чтобы не платить за нее из своего кармана, если с ней что-нибудь случится.

Кроме того, лагерь надолго опустел из-за того, что все были в верхних лагерях и на восхождениях, и завхоз уехал на базу, к радостям цивилизации, на неизвестный срок.

Эльвира добросовестно, как на работу, ходила в «Памир» в надежде увидеть завхоза. Мы её ни о чем не расспрашивали.

На третий день Элла Мухамедова сказала, что больше ждать не может, потому что она член приемной комиссии в своем институте, и если команда не выйдет на восхождение завтра, она уезжает со сбора.

В этот момент я окончательно стала запасной, и мы срочно провели Четвертое собрание.

Наше последнее Четвертое собрание (второе с протоколом) о новом плане восхождения

Наше Четвертое собрание было вторым собранием с протоколом. Первым собранием с протоколом было собрание о траверсе пика Ленина.

После собрания на высотной заброске стало известно, что я была запасной, и в случае двух палаток на девятерых я остаюсь внизу.

О том, кто остается внизу, обычно просто говорил руководитель сбора. Под пиком Ленина одновременно с нами стояли еще четыре российских сбора, и в каждом сборе по разным причинам внизу оставалось по одному человеку. Участникам об этом говорили просто руководители сборов без всяких собраний.

Два наших предыдущих собрания, Второе и Третье, тоже были без протоколов. Но ситуация с Четвертым собранием была другой. Эльвире нужно было, по возможности, скрыть проблему оставшихся двух трехместных палаток на девятерых участниц, так как куратором по снаряжению был ее муж.

Мы знали, что Эльвира до последнего дня пыталась найти третью палатку и готовы были выполнить любую ее просьбу с собранием.

Для объяснения, почему команда из девяти человек первоначально с тремя памирками, накануне восхождения решила идти на траверс ввосмером с двумя трехместными памирками, была выбрана «несовместимость» участниц. Хотя только что, всего несколько дней тому назад, на Втором собрании на высотной заброске и еще раз внизу на Третьем собрании все голосовали за восхождение вдевятиером. Придумать что-нибудь другое, «поумнее и попроще», нам не удалось из-за катастрофически малого времени до восхождения. Из-за Эллы Мухамедовой уже был назначен выход. Самый естественный и простой, хотя и странный повод с «плохой технической подготовкой», мы бездарно упустили на Третьем собрании.

Напомню, что у меня был запасной вариант восхождения на пик Ленина. Оставшись внизу, я через некоторое время могла сходить на гору с моей университетской командой, но для этого мне нужно было по тогдашним правилам получить исключение из женской команды.

Четвертое собрание нужно было мне для исключения, а Эльвире для отчета и чтобы, по возможности, скрыть проблемы с палатками.

Из-за этого собрания такими неожиданно странными (ведь только что дважды на двух собраниях все голосовали за совместное восхождение вдевятиером) предстают перед читателями очень известные высококвалифицированные опытные альпинистки. Небольшой цирк для новичков. Просто не было времени придумать что-нибудь получше. Но теперь все хорошо знали свои роли.

Забавный казус на последнем собрании

Правда, без казуса все-таки не обошлось. По Эльвириной просьбе протоколы вела я, но я медленно пишу, а девчата, чтобы поскорее покончить с этой бодягой, говорили очень быстро и невнятно, и я попросила девчат говорить обо мне немного помедленнее, потому что я не успеваю это записывать. Тут только Эльвира спохватилась, и я передала тетрадь Ире Любимцевой. Из-за утреннего выхода на восхождение говорить обо мне долго, не было времени, и собрание, поэтому, было очень коротким. Возвращая мне тетрадь с протоколами после собрания, Ира пошутила, что сегодня мы открыли новый тип несовместимости:

«Несовместимость числа участников с числом палаток».

В нашей компании всегда были готовы подшутить над необычной и забавной ситуацией.

Тетрадь протоколов по просьбе Эльвиры вела я, и она всегда была у меня. В тетради протоколов были запротоколированы только Первое собрание о том, почему команда идет на траверс пика Ленина, и Четвертое (пополам с Ирой Любимцевой) о том, почему команда идет на траверс ввосьмером с двумя трехместными памирками.

Утром женщины уходили на восхождение, а я оставалась ждать их возвращения.

Так распорядилась моей жизнью моя судьба. Наши собрания ее мало интересовали.

Что я знаю о протоколах наших собраний

Чтобы закончить с собраниями, скажу несколько слов о протоколах наших собраний. Вести протоколы меня попросила Эльвира на Первом собрании. Эльвира передала мне небольшую, по-моему, «амбарную» тетрадь, которая потом все время хранилась в моей палатке. Я приехала на сбор со своей старенькой памиркой и жила в ней с Таней Бардашевой. Все остальные тоже жили в стареньких памирках. Тетрадь протоколов всегда лежала в моей палатке. Эльвира знала где, на случай, если она вдруг понадобится ей в мое отсутствие.

Последний раз я держала тетрадь в руках на последнем Четвертом собрании. Сначала я, как обычно, все добросовестно, стараясь успевать за говорящими, записывала. Но потом по просьбе Эльвиры я передала тетрадь сидевшей рядом со мной Ире Любимцевой (в протоколе должно быть два разных почерка).

Ира, после собрания и шуточки о несовместимости числа палаток с числом участников вернула тетрадь мне. Я отнесла её, как обычно, в свою палатку. Ведь мы все думали, что расстаемся ненадолго. Возможно, потом я принесла тетрадь Эльвире, чтобы она сделала, по моей просьбе, запись о моем исключении, и тетрадь с протоколами осталась у Эльвиры.

Судя по описанию нашего собрания в книге Шатаева, тетрадь с протоколами оказалась у него.

В тетради протоколов были запротоколированы только Первое собрание о том, почему команда идет на траверс пика Ленина, и Четвертое (пополам с Ирой Любимцевой) о том, почему команда идет на траверс ввосьмером с двумя трехместными памирками.

Никаких других протоколов быть не должно.

Мое участие, по просьбе Эльвиры, в подготовке к восхождению

После собрания Эльвира еще раз напомнила всем, что осенью собираемся у меня в гостях в Ленинграде, о чем мы уже договорились раньше. Мы быстро обменялись телефонами. Времени до выхода на маршрут оставалось очень мало, и Эльвира сразу включила меня в подготовку.

Эльвира попросила у меня на восхождение мою личную аптечку и попросила помочь Гале Переходюк разобраться с аптечкой и с моими лекарствами. С этой личной аптечкой я всегда ходила в горы.

В мое время аптечки не входили в перечень альпинистского снаряжения команд, идущих на восхождения, поэтому я ходила со своей личной аптечкой. Лекарства в моей аптечке были рассчитаны на двух возможных больных.

К сожалению, Галя решила взять лекарство только на одного больного, а на горе их оказалось двое.

Двое девчат попросили меня отослать радиogramмы, которые, из-за строгих правил не передавать по радиации частные сообщения, отказался принять радист. Они сказали, что вся надежда на меня, и мне действительно удалось уговорить радиста, и обе телеграммы были отправлены.

Но самым главным поручением было организовать встречу после восхождения. Закупить фрукты, вкусности и все остальное. Вскоре несколько ящиков с фруктами и всем остальным уже лежали в нашем лагере, их привезла для меня лагерная машина «Памира».

Последние цветы в жизни Эльвиры

Еще у меня было дело с моим отчислением. Я хотела подстраховаться и получить официальную запись о моем исключении из нашей команды, чтобы по тогдашним правилам я могла идти на восхождение с университетской командой. Пока Эльвира делала эту запись, я в благодарность набрала и подарила ей небольшой букетик горных цветов. Это были последние цветы в жизни Эльвиры.

Моя высотная заброска и «Все бы потери были такими»

Перед выходом женщин на маршрут я разрешила всем взять из моей высотной заброски все, что им может пригодиться. Я знаю от Володи Шатаева, что у Эльвиры на руках были мои набитые пухом рукавицы. Тоже подарок моих друзей, у меня всегда мерзли руки.

Девчата сочувствовали мне из-за оставшейся наверху заброски, но я всегда отвечала нашей домашней присказкой: «Все бы потери были такими». У меня была мудрая мама, сибирячка.

На следующий день девчата ушли на восхождение, а я осталась их ждать в компании двух женщин из московского и новосибирского сборов. Альпинистка из Новосибирского сбора была моей приятельницей. Она недавно видела Олега Шумилова, и он просил передать мне, что скоро моя университетская команда приезжает для восхождения на пик Ленина.

Мистическая история с потерянным Эльвириным колечком

С Эльвирой у меня была связана и одна, совершенно мистическая история. В последний день она пожаловалась мне, что потеряла колечко, которое ей подарил муж после восхождения на Корженеву. У женщин потерять колечко перед восхождением очень плохая примета, и я, чтобы поддержать и успокоить Эльвиру, твердым голосом сказала, что обязательно найду колечко к ее возвращению, хотя и понимала, что это «ложь во спасение», кругом были одни камни.

Наш лагерь был разбит на моренной полке, и от ручья внизу мы поднимались к себе по осыпи из крупных и мелких камней.

Это невероятная мистика, но я нашла колечко Эльвиры, вернее, колечко само нашло меня.

Однажды уже в сумерках я поднималась в свой лагерь через нагромождение камней и один раз случайно опустила глаза. Около моей ноги, прижавшись к ней, блестело маленькое Эльвирино колечко. Чистая мистика!

Потом я передала Эльвирино колечко Володе через киношника из международного лагеря. Надеюсь, что колечко дошло до него. Не спросила, когда он приезжал ко мне дважды в гости в Ленинград, чтобы узнать, кто есть кто на нашей общей фотографии на открытии сбора, и когда один раз я была у него дома в Москве в надежде получить в подарок еще одну фотографию Эльвиры.

Обещание Абалакова спустать женщин

Однажды мы с Абалаковым встретились глазами на метеосводке об урагане, и он сказал мне, что будет спустать женщин. Это было накануне «окна» хорошей погоды перед ураганом. Успокоенная, я уехала на базу, чтобы купить свежих фруктов. Другие закупки уже лежали в трех ящиках около крайней Эльвириной палатки.

Однако Абалаков не стал спустать женщин. Причины я не знаю.

На базе я узнала о гибели девчат. В том состоянии, в котором я была, я не смогла вернуться в лагерь. Мои вещи мне привезли мои друзья новосибирцы, с которыми я подружилась во время спасаловки на пике Коммунизма.

Последние воспоминания

Память о моей совместной альпинистской жизни с замечательными альпинистками и неординарными женщинами нашего сбора живет со мной всегда. И всегда живет горе, что этих девчат больше нет, и мы больше никогда не увидимся.

О долге написать Воспоминания

Воспоминания о нашем женском сборе никогда не оставляли меня. Оставался только долг написать эти воспоминания. Я благодарна Сергею Шibaеву, за то, что он напомнил мне об этом долге и помог мне его исполнить.

5. Заключение

Заниматься или не заниматься альпинизмом

В заключение хочу сказать, что заниматься или не заниматься альпинизмом это наш добровольный выбор. Мы знаем, что горы есть горы. Они не предсказуемы. Но мы любим наши горы такими, какие они есть.

*Здесь наша молодость прошла,
Здесь альпинистские года
Дарили нам вершины гор,
Друзей на жизнь, любовь навек.
Мы снова всех зовем наверх.*

Несколько слов о советском альпинизме

Я жила при советской системе альпинизма. И мне есть, за что ей быть благодарной, в том числе Виталию Абалакову, руководившему этой системой и участвовавшему в ее создании. Мы имели, практически бесплатно, всё: альплагеря, снаряжение, инструкторов и замечательные восхождения. Нормальные люди это ценят и всегда с благодарностью помнят. Но еще я помню и о женской трагедии в горах.

В ураган 1974 года на пике Ленина погибли, замерзли, на спуске с вершины восемь женщин с двумя памирками вместо синтетических высотных палаток. Женщинам не передали ураганное предупреждение, лежавшее в лагере Памир со второго августа. Одна из двух памирок на гребне оказалась бракованной, ветер порвал на ленты крышу палатки, вымел все из палатки и женщины остались без палатки и вещей. Команда подстраховки Гаврилова – Клецко, обогнав женщин и сходяв на вершину, ушла вниз вместе с японской рацией и оставила женщин без подстраховки, отказавшись поменяться на время рациями с командой Челябинцев. Отечественные рации не имели связи с японской рацией женщин и наши команды на горе (с высотными палатками) в ураган о женщинах ничего не знали и поэтому помочь им не могли, но все остались живы, имея высотное снаряжение.

Единственными, кто по собственной инициативе пытался помочь женщинам, были японские ребята, которые в ураган были под ледовой стенкой, выходящей на гребень. Они поднялись по ледовой стенке наверх, но из-за тумана женщин не нашли.

Горы бывают часто непредсказуемы, и при восхождении женской команды на пик Ленина, предусмотреть все не удалось даже таким опытным альпинистам как Абалаков и Шатаев.

Услышав от Абалакова, что помочь женщинам некому, женщины ответили, что тогда они обречены, и попрощались.

Светлая им память.

Девятая участница женского сбора,
Эльмира Гурмузова

6. Приложения

Приложение 1

Средство спасения жизни при зависах, «эльга».

Эльга это придуманная мной альпинистская техника для спасения при зависах, применявшаяся в прошлом веке. Теперь проблемы зависа решает, новая альпинистская техника и, в том числе, парашютная обвязка. Но все, кому интересна история альпинизма, могут познакомиться здесь с временами, когда парашютных обвязок у альпинистов не было.

Известно, что многие годы до появления парашютных обвязок почти все, зависавшие на грудной обвязке при вертикальном спуске или подъёме на расстоянии от стены, умирали от удушья.

Я прочитала про это в одной из альпинистских книг в первый год занятий альпинизмом.

В молодости мы все максималисты, и я решила, что я или придумываю средство спасения при зависах, или перестаю заниматься альпинизмом.

В моем случае, как оказалось, это было судьбоносное решение. Я придумала «эльгу», которая спасла мне жизнь при зависе.

Эльга это легкая петля из репшнура, на основном карабине на грудной обвязке, промеренная до пятки выпрямленной ноги. Эльга позволяет в случае зависа быстро встать в нее ногой, и не висеть, задыхаясь и теряя сознание в грудной обвязке, а стоять ногой на продолжении основной веревки, свободно дышать грудью и свободно работать руками.

Немного странно, что до такой простой идеи с петлей из репшнура на основном карабине не додумались раньше, и в мое время на зависах погибали альпинисты.

Горы непредсказуемы, и оказалось, что я не зря придумала эльгу.

Эльга спасла мне жизнь на Кавказе, при зависе на ледовом сбросе с большим козырьком, при спуске по Ужбинскому ледопаду в 1975 году.

Приложение 2

Альпинистская туманная техника

Как напомнил мне Сергей Шибает, в наш космический век с помощью современных технических средств, проблем со спуском в тумане у альпинистов уже нет, когда умная современная техника в наличии и работает без сбоев.

В отличие от современных средств, придуманная мной, «альпинистская туманная техника» всегда безотказна, потому что она всегда с нами, всегда работает во время нашего движения и для ее использования достаточно школьного знания.

«Альпинистская туманная техника» основана на том, что в нашем пространстве, пространстве Евклида, через две точки можно провести только одну прямую. Три участника стоят на мысленной «прямой» в нужном направлении. Руководит движением «третий». «Первый» прямую линию не видит, и перемещается влево, вправо и прямо четко по указанию «третьего», так, чтобы все время оставаться на этой мысленной «прямой», проходящей через «третьего» и «второго». По указанию «третьего» «первый» стоит и к нему подходит «второй». Затем «третий» снова перемещает «первого», останавливает его, и вместе с командой проходит половину расстояния до «второго». Один цикл перемещения закончен, и третий участник, тот, кто руководит, начинает все сначала. Можно предложить другие варианты перемещений.

Продвижение очень медленное, но при этом сохранение нужного направления математика гарантирует.

«Альпинистская туманная техника» в мое время была единственным надежным средством для спуска в тумане в нужном направлении. Но и сейчас она надежный запасной вариант, она безотказна, потому что всегда с нами и всегда работает во время нашего движения.

«Альпинистская туманная техника» интересна еще тем, что она использует один из известных постулатов Евклида. Возможно, такое использование математики для альпинистской безопасности будет интересно тем, кто интересуется историей альпинизма.

«Альпинистская туманная техника», при отсутствии видимости в плотном тумане, оказалась, из-за брака третьей палатки, спасительной для спуска с высотной заброски женской сборной команды на пике Ленина в 1974 году.

Эльмира Гурмузова